

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

"RUSSIAN LIFE"
2458 SUTTER ST.
San Francisco 15, Calif.
Phone WALnut 1-2510

RUSSIAN LIFE

Daily Morning News Except
Sunday, Monday & Holidays
Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco, Calif. under
the Act of March 3, 1879.

LXXXI.

№ 3021.

Среда, 23-го декабря 1953 года.

DECEMBER 23 1953.

COPY 10 C.

«ВИШНЕВЫЙ САД»

К концу 19-го столетия Россия стояла на твердом пути освоения и развития духовных сил и огромных естественных богатств, созданных трудами и жертвами прошлых поколений. Все было. И мощный хозяйственный подъем великой страны начался с такой неудержимой силой, что кризисы этого подъема сейчас поражают воображение. Перед передовым слоем русской общественности стояла ясная национальная задача: прилагать свои силы на поддержку этого жизненного подъема, вдохновлять на творческие усилия, направленные к делу развития сырой и технически отсталой страны.

Так и было в Америке в 70-е годы прошлого столетия. Но не так повелось у нас. Какое то дееспособное озорство овладевало умами и чувствами тех, кто стоял или вступал в ряды этого, так называемого, передового слоя русской общественности. Составляя ничтожную долю процента от всего остального состава огромной хозяйственной, здоровой России, представители этого слоя говорили от имени всей страны, но стеснялись, неверно масштаба. Вместо того, чтобы использовать силу руководящего влияния на поддержку усилий власти в деле начавшегося развития страны, они все свои усилия направляли на борьбу с властью, действовали, как тормоз, как паразит в полетах государственной машины.

Чего они хотели? Легко и было перевернуть всю архитектуру всякой работы поведенческого административного государственного. Частные переделки их не занимали. О чужом враждебном годе они с упорством, заслуживавшим лучшего применения, рубили сук на котором сидели сами. Никаких компромиссов — все долой, вот что было их не ужим, а по оппозиционности к своему паразиту, предательским заданием.

Так как этот разрушительный эдак пока не удавался, то силы направлялись к подкапыванию устоев государственности, распадались на брожения или оппортунизм. Ни в писаниях ни в выдающихся ничего конструктивного, так нужного в период отроения, не было. Какой то низкотребный нигилизм, какая то плебейская духонная сумерка вносились в здоровую атмосферу и физическую и нравственную здоровую страны. Появились гордые буравчики — этот предвещающий хохот социалистических флажков.

О тяжелой руке желчного озлобленного на всех Л. Толстого нарастал тот театральный гнет не по адресу, который и был высказан в творении, носившем соответствующее театральное заглавие «не могу молчать».

Желчь тогда заливала все прогрессивные, как они тогда назывались, мозги. Быть патриотом говорить об интересах отечества тогда считалось оскорбительной отсталостью, признаком политического невежества. Нить, собою лезновать, огорченно разводила руками по адресу власти, становилась гражданским долгом. Болезненная атмосфера расслабленного чувства и безвольной мысли, расплывалась тогда от этой либеральной части русского общества по лицу земли родной.

Вот те психологические условия в которых и был написан и появился «Вишневый сад». Писатель Божией милостью А. П. Чехов, конечно, в своем произведении остался вне этого влияния не мог. Но нить тогда значило отставать от прогресса и Чехов не хотел отставать. В силу своего исключительного таланта, он конечно политических мотивов нити не разделял, но отразить общий тон психологической плесени он должен был и он его отразил.

Но несмотря на то что «Вишневый сад» создавался в пору полного упадка физических сил пораженного чахоткой писателя, в душевном состоянии человека приговоренного к смерти, все таки, никакой поддержки нигилистическому тону тогдашней либеральной среды Чехов не дал. Он, без сочувствия высказал то, что тогда высказывалось в разных сферах общества. Но только высказал, не подкрепил, не вынес это на сцену в виде театрального «не могу молчать».

В спешеческом отношении «Вишневый сад» слабая пьеса. Если бы Станиславскому принес такую пьесу другой драматург, с другим именем, пьеса бы не попала на сцену. В ней есть то, что не стоит ее в ряд классических произведений: в ней задачи развлеченности отведено больше места, чем идейному выражению. Цирковой персонаж Шарлотты Ивановны, введенной, очевидно, для фольклора, это подтверждает.

Развитие основного сюжета пьесы грешит фактичностью несоразмерности. В центре по пролажу дождя и имени А. П. Чехов, очевидно, не служил. По идеологическим мотивам покрывал все сценические недочеты пьесы.

сы. Вызов, брошенный Чеховым утилитарному, диалектическому материализму, составляет духовную силу «Вишневый сад». Не везд тогдашней сумеречности русской культуры, бытописатель эпохи заката «дворянских гнезд» Чехов своей пьесой высказал этому материализму тот самый упрек, который еще Пушкин выразил в своем гневном осуждении той мещанской практичности которая «на все» ценит кумир Бельведерский т. е. культуру.

«Вишневый сад» это символ культуры в одном из ее самых действительных проявлений — в красоте. Не сам по себе только сад, а как гармонично согласованный фон усадьбы, как ее украшающая, облагораживающая деталь, практически малоценная. Материалистическая оценка сада «на вес» вроде рентабельности сугубых вышек к этой красоте ничего не добавляет, она эту красоту только снижает.

Базаровско-нигилистическая истина что: «реальное (т. е. практически ценное) выше идеального, эта социалистическая увертюра и нивелировке людей и ценностей, — в пору появления «Вишневый сад» была в моде и спросе у либеральной части русской общественности. Выставляя сад, как непрактическую, бездоходную, но культурную ценность, Чехов тем самым возражал против мещанского утилитаризма, возражал тем кому, по Пушкину «почтой горшок» был дороже культурных ценностей.

Героиня пьесы, Раневская, жидовка и безпутная расточительница, грезница, грези свои социализма, привнесла к этому саду не потому, что это раба ее детства. Сад и вся усадьба для нее прежде всего культурная ценность, ступень достигнутого на пути к прекрасному. Грубо отгораживая своих личных интересов от общих интересов, болезненной привязанности к вещам, к тому, что это «мое», у ней нет совершенно социалистической черты: «за свое горло перерву всякому, чужое возьму готовностью» ей не свойственно. Ни кулак Лопатина, ни либерал Трофимов этого в ней не понимают. Когда практик Лопатин предлагает Раневской доходный проект — отделить имение на участки для дачников — она с похвалой, подкалываясь ее пожеланием менять красоту на доход проект этот отвергает. Диалектический материализм думает: «ценно только то, что полезно» побеждают в споре не на идее Раневской; но они бездумно победить самый дух культуры, упразднить красоту. Как возвышенная цель жизни, облагораживающая идея красоты остается и после, продолжая усадьбу с торгом. Деревья можно вырубить, но идеи вырубить не удастся.

Студент Трофимов, этот нескладно перефразированный Марк Волохов представляет собой персонаж в те времена обязательный во всех литературных группах. — Это — «грядущая элита» Чеховым очень хорошо предостережена, как либеральная смесь мечтательного Фурьериста с социалистической «вождь сити». Этот разношерстный протестант и обличитель, реальный предстатель мечтательного идеализма, она полагается по либеральному штату, взят «из народа». Протест это главное и в силу этой либеральной догмы он не упускает случая упрекнуть хотя бы и 16-летнюю девочку в злоупотреблении того социального класса, к которому она имеет несчастье принадлежать. Этот студент с его либерально-социалистической жвачкой, — конечно, откуп писателя перед прогрессивной современностью, но откуп для этой прогрессивной части не очень достойный.

Наумительный по художественности образ, дан и Фирс. Фирс предвещая, добровольная жертва всему роду своих господ. Вечная жертва и такая благородная жертва, но не социалистических «добавочных ценностей» а просто по чувству любви и преданности. Какое орудие некое, какая отсталость! Социализм как программа духовного рабства во имя равенства брюха и добровольное безкорыстное служение во имя неоплатимой верности. Да уже за один этот художественный образ сам Чехов чернотеннее. Тут подрывается самый главный столб либерала — социализма, утверждение обязательного равенства. Но писатель такого либерального приговора очевидно не убоялся.

В «Вишневый сад» Чехов утверждает три, как бы указующие и не либеральные веки: Первая века (Раневская) — культура, в одном из ее выражений по пьесе — в красоте выше практических ценностей. Вторая века (Трофимов): либерализм, как «страшная сила» ничего творческого и жидкого не несет. В его широко претензии только ли

социального разложения. И третья века (Фирс): внешне формы общественной жизни — любовь, смирение, служение идею, через служение другим, насильственным поправлением не достигают. Они эти высококачественные обличают, украшают жидкий, не достигаются на путях, личного обличения и «упражнения классов» немощных.

Силой художественного творчества, в не очень совершенной форме, но в полноте идейного вы

ражения, в пору безверия и материалистического пренебрежения к красоте, Чехов, своим «Вишневый садом» призывал к служению этой отвергнутой красоте и осуждал нигилистическое пренебрежение ко всему, что дышит непрактической духовностью.

Вот чем дорог «Вишневый сад», вот что делает это произведение А. П. Чехова одним из ценных вкладов в сокровищницу русской культуры.

Д. Я. Шапонов.